

Команда отчаянных

АНТОН ИВАНОВ

Загадка золотой чалмы

«АНТОН ИВАНОВ, АННА УСТИНОВА»

2010

Иванов А. Д.

Загадка золотой чалмы / А. Д. Иванов — «Антон Иванов, Анна Устинова», 2010 — (Команда отчаянных)

Бабушка Ивана Холмского начала вести себя очень странно. Она запирается в своей комнате, почти не общается с домашними, зато нашла новую подругу и ходит с ней на какие-то лекции... А однажды Иван застукал ее, когда бабушка слушала по его плееру загадочную кассету. Там был записан шум моря и... тиканье. Команда отчаянных решила проследить за старушкой, ведь магические камушки Марго предупреждают: бабушке Ивана грозит смертельная опасность!

© Иванов А. Д., 2010

© Антон Иванов, Анна Устинова, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Антон Иванов, Анна Устинова

Загадка золотой чалмы

Глава 1

Опять залезли?

– Так, Герасим, держи край, а я сейчас буду приклеивать, – распорядился Сеня Баскаков. – Только еще чуть-чуть здесь подмажу. Да осторожней ты, осторожней. А то свернется.

– Авар-рия, – донесся из коридора голос попугая.

– Не каркай, рябчик тушеный, – сквозь зубы процедил Герасим.

– Ты лучше держи! – прикрикнула на него Варя.

– А я, по-твоему, что делаю? – огрызнулся Герасим.

– Ты очень плохо держишь, – не растерялась Варя.

– Могу предоставить это тебе, – обиделся Герасим.

Фотография, выскользнув у него из-под пальца, свернулась в трубочку и скатилась со стола на пол.

– Кранты! – трагически взвыл Баскаков.

– Кр-ранты, кр-ранты, – с удовольствием передразнил его из коридора попугай по имени Птичка Божья.

– Вот из-за него все и вышло! – в сердцах всплеснул руками Герасим Каменев по прозвищу Каменное Муму.

– Олух ты, Муму, – Баскаков тем временем подобрал с пола и принялся осторожно расклеивать и разворачивать снимок. – Такой классный коллаж испортил. Нет, кажется, не испортил, – с облегчением выдохнул он и продемонстрировал остальным чудом уцелевший снимок.

– Редчайший случай, – тряхнула золотыми кудрями Варвара, – чтобы Герочка что-то не испортил.

– Гер-расим дур-рак! – завопили из коридора.

В следующее мгновение оттуда в гостиную, где и сидели сейчас ребята, важно вошел огромный зеленый попугай с красным хвостом. Едва увидев его, Каменное Муму взвыл и забрался на стул.

– Тр-рус, – немедленно констатировал Птичка Божья. Затем, видимо, стремясь быть правильно понятым, внес уточнение: – Гер-расим тр-рус.

– Птичка! – с укором произнесла хозяйка квартиры Маргарита Королева. – Не обзывайся, пожалуйста.

Попугай в ответ громко свистнул и, галантно раскланявшись, отозвался:

– Пр-рошу пр-рощения.

– Ты не у меня, а у Герасима попроси, – засмеялась темноволосая черноглазая Маргарита.

– Гер-расим? – словно переспросил Птичка Божья. – Пф-ф!

И, демонстративно повернувшись к Каменному Муму хвостом, покинул комнату.

– Нет, Марго, он у вас все-таки хам, – на полном серьезе изрек Герасим.

Остальные разом расхохотались.

– Герка! – хлопнул друга по плечу толстый розовощекий Павел Лунин. – Будь выше мелочных обид.

– Лучше бы фотку как следует держал, чем с птицами препираться, – сквозь смех произнес Иван Холмский по прозвищу Пуаро.

– И впрямь, – Сеня уже самостоятельно наклеивал на лист ватмана чудом спасенный коллаж, – чуть весь мой труд не загубил.

– Просто, Баск, ты плохо мне его подал, – занудным голосом заспорил Герасим. – Поэтому держать было неудобно. Вот я и выпустил. Удивляюсь еще, что он у меня столько времени из-под пальца не вылетал.

– Ах! – Варвара с хорошо разыгранным восторгом закатила ярко-голубые глаза к потолку. – Учитесь, ребята, жить у Камня Мумуевича. Он всегда у нас прав. Даже когда виноват.

Длинный тощий Герасим вскочил со стула и, обиженно выпятив костистый подбородок, собрался достойно ответить Варваре, но тут из передней послышался звонок.

– Явилась – не запылилась, – враз помрачнела Марго и пошла открывать дверь.

– Сделала Тараса Бульбу в лучшем виде, – ворвавшись в переднюю, Наташка Дятлова помахала в воздухе папкой.

Тарас Бульба – было прозвище завуча экспериментальной авторской школы «Пирамида», в восьмом классе «А» которой учились ребята, собравшиеся сейчас у Марго. А делали они стенгазету к Восьмому марта, которую им поручил все тот же Тарас Бульба. Он же написал, если так можно выразиться, передовицу, где поздравлял «женскую часть учительского состава школы» от имени немногочисленной мужской части того же состава. Этот славный труд и перепечатывала у себя дома Наташка Дятлова.

– Ребята! – раздевшись, она вошла в гостиную. – Вы посмотрите, как красиво получилось!

И она вытащила из папки листок бумаги.

– Видите? – продолжала она. – Удалось разместить текст всего на одной странице.

– Класс! – похвалил ее Сеня Баскаков. – Эх, – мечтательно вздохнул он, – как же я раньше не допер. Сюда бы еще коллажик прибацать. Наш Тарас Бульба верхом на любимом коне того Тараса Бульбы. И еще с его же шашкой. На защите рубежей нашей «Пирамиды».

– Откуда ты, Сенечка, знаешь, какие у того Тараса Бульбы были конь и шашка? – с ехидным видом поинтересовалась Варя. – Никак фотография есть?

– Не фотография, а книжка с картинками, – без тени юмора откликнулся Баск. – Папан-дру моему презентовали собрание сочинений Гоголя. Подарочный вариант. Там как раз этот самый Бульба на коне, в шароварах и с шашкой. Вообще, по большому счету, даже коллаж делать необязательно. Лицо один в один – наш Афанасий. А-а, – враз погрустнел он, – чего напрасно душу травить. Все равно уже не успею коллаж сделать. Мы ведь завтра эту штукенцию должны принести и повесить.

– Возмись, возмись, – проворчал Герасим. – А какая нам с вами от этого польза?

– Мер-р-кантилизм! – раздалось из-под стола, вслед за чем оттуда показалась голова Птички Божьей.

– Ой! – воскликнула остроносенькая Дятлова. – Какой же он у вас, Марго, все-таки умный!

– Я лично не нахожу в нем ничего умного, – сумрачно отрезал Герасим. – Как, впрочем, и в том, что мы с вами сегодня делаем эту чушь.

И он ткнул указательным пальцем в ватман. Там осталось серое пятно.

– Руки мыть надо, Муму! – крикнула Варя.

– Дурак, газету испортил, – добавил Баск.

– Это все из-за твоего клея, – ничуть не смутился Герасим. – Я весь им перемазался.

– Не спорь, – воскликнула Марго. – Нарисуем цветочки, вырежем и наклеим.

– Вот именно, – Герасим произнес это с таким видом, будто сам и придумал. – Нечего из-за пустяков поднимать панику. Я лично вообще считаю полным идиотизмом, что серьезные люди должны заниматься такой чепухой.

– Ох, ох, Герочка, – похлопала длинными ресницами Варвара. – Какие мы важные.
– Просто мне времени жалко, – назидательно изрек Каменное Муму. – Жизнь, между прочим, коротка, а дел много.

– Замечательно! – Варю очень обрадовали его слова. – Только вот, Мумушечка, получается ма-аленькая такая неувязочка.

– Какая еще неувязочка? – насторожился Герасим.

– Да именно такая, – вкрадчиво ответила Варя, – что мы эту газету, можно сказать, почти по твоей милости делаем.

– А ведь точно! – подтвердила Луна.

– Ничего подобного, – набычился Каменное Муму. – Это не я придумал, а Тарас Бульба.

– А я и не говорю, что ты, Герочка, придумал, – с издевкой сказала Варя. – Ты просто первый согласился.

– Это точно, – подтвердил Иван. – Мы-то как раз Макарычу впаривали, что раз прошлая наша газета не понравилась, значит, нечего нам и на Восьмое марта ее делать.

Прошлая газета была новогодней, и директриса «Пирамиды» Екатерина Дмитриевна Рогалева-Кривицкая сочла ее слишком дерзкой.

– Глупости все это, – как всегда, упорно стоял на своем Герасим. – Во-первых, прошлая наша газета конкретно Майбороде понравилась. Вот Тарас для себя и решил, что лучше нас газету никто не сделает. А времени осталось в обрез. Завуча-то в последний момент клюнуло.

– Да-а, да-а, – с томным видом протянула Варя. – И тут-то наш Герочка ему объявил: «Естественно, за такой короткий срок, кроме нас, никто качественную газету не сделает».

Герасим молчал. Возразить ему было нечего.

– А главное, Муму, – с осуждением начал Павел, – ты нас даже лишил возможности поторговаться. Уж на день-то наверняка ради такого дела освободили бы от занятий.

– А может, и на два, – с мечтательным видом добавила Варя.

– Если хотели, могли бы и предупредить, – ответил Муму.

– Кто же, Герочка, мог предвидеть, что ты настолько не соображаешь, – немедленно нашлась Варя.

– Сообр-ражаешь, – с удовольствием произнес из-под стола попугай. И повторив это слово еще несколько раз, таким пренебрежительным тоном произнес «Гер-расим», будто на Каменном Муму вообще давно можно было ставить крест.

Тот с ходу завелся:

– Марго! Я в подобной обстановке думать над газетой не могу! Убери свою птицу подальше!

– Ребята! Ребята! – трагически всплеснула руками остроносенькая Наташка Дятлова. – Ну зачем мы ссоримся! Давайте лучше скорее делать! Времени-то действительно мало! А газета, она ведь для всех!

– Действительно! – подхватил Баск. – За мной в семь приедут! А я еще рассчитывал доделать газету и просто посидеть.

Ребята посмотрели на него с сочувствием. Обычно сына «нефтяного олигарха» Сеню Баскакова сразу после уроков возили на машине в загородный дом. Ибо Баскаков-старший постоянно тревожился по поводу безопасности семьи. Лишь изредка Сене, по его собственным словам, «обламывался кусочек свободы». Сейчас был именно такой случай. Виталий Семенович разрешил сыну вместе с Командой отчаянных, как называли себя Иван, Павел, Герасим, Марго и Варвара, делать стенгазету к Восьмому марта, и шофер должен был приехать не после уроков, а в семь.

– Уважим несчастного узника, – с сочувствием выдохнула Варвара.

– И вообще, мы должны хорошо это сделать, – добавила Дятлова тоном прилежной ученицы.

Впрочем, она и была именно прилежной ученицей.

– Святые слова, Наташа, – ответила Варя, обменявшись ехидными взглядами с Марго.

– Давайте, давайте, ребята, – Баск уже наклеивал очередной коллаж. – Вон у нас сколько еще всякой лабуды по столу валяется.

Из передней донесся хлопок входной двери.

– Пр-ривет, подр-руга!

И, стремительно выбежав из-под стола, попугай вразвалку кинулся в прихожую.

– Бабуш-шка! Бабуш-ка! – раздался оттуда его голос. – Гер-расим дур-рак!

– Ябедничают, – проворчал Муму и в сердцах наклеил вверх ногами одну из цветных букв названия.

Дятлова взвизгнула и принялась отдирать, пока клей не застыл окончательно.

– А по-моему, Каменев, попугай прав, – с раскрасневшимся от возмущения лицом отчитала она Муму. – Какой-то ты, действительно... – она сделала паузу. – Не такой. Я просто не понимаю, Гера, тебе разве на все наплевать?

– Почему если я ошибся, то мне обязательно сразу наплевать! – Герасим даже позеленел от обиды. – Другим можно ошибаться, а мне нельзя?

И, взмахнув длинной тощей рукой, он одним движением смел все фломастеры на пол.

– Ну вот. Опять, – скорбно покачала головой Дятлова.

– Что опять? – окончательно вышел из себя Герасим. – Ты, Дятлова, сперва педагогический институт окончи, а потом со мной так разговаривай. Тоже мне, училка жизни выискалась.

Наташке, в свою очередь, стало обидно.

– Никакая я не училка, – возразила она. – А ты, Каменев, просто...

Что она хотела сказать про Муму, осталось загадкой. Ибо в этот момент в комнату вошла с попугом на плече бабушка Марго – Ариадна Оттобальдовна.

– О-о-о, – совсем как у внучки, чуть вздернулись у нее уголки губ, словно лишь намечая улыбку. – Я вижу, у вас тут бурный процесс творчества.

– Ой, извините, пожалуйста, – мигом ступевалась примерная Дятлова.

– Просто сегодня мне абсолютно все мешают творить и мыслить, – заявил не столь примерный Герасим.

– Какой же ты, Муму, у нас сегодня пафосный, – мигом отреагировала Варвара.

– Р-разительный контр-раст, – заявил с плеча Ариадны Оттобальдовны попугай и, косясь одним глазом на Герасима, сардонически расхохотался.

– Птичка, Птичка, – Ариадна Оттобальдовна с трудом сдерживалась от смеха. – Так нельзя. Гера все-таки гость.

– Кость! – возразил попугай и брезгливо кашлянул.

– Чтоб ты и впрямь подавился, – пробубнил себе под нос Герасим.

– Фу-у, Герочка, как невежливо, – заговорщицки подмигнув бабушке Марго, произнесла ее тоном Варвара. – Разве можно оскорблять хозяев.

– Он тут совсем не хозяин, – набычился Муму, – а всего-навсего птица.

– Птичка, Птичка! Птичка Божья – хор-рошая птичка, – немедленно отреагировал попугай. – Гер-расим...

И он надолго умолк, словно подыскивая нужное слово.

– Думает, – хохотнул Баск.

– И уверена: сейчас придумает, – подхватила Наташка Дятлова. – Он же такой умненький.

– Зато ты очень глупая, – не сдержался Герасим.

Тут Птичка Божья, резко взъерошив перья, оглушительно проорал:

– Др-рянь! Др-рянь! Др-рянь!

– Молодец, птичка! – мстительно захлопала в ладоши Дятлова.

– Напрасно радуешься, – уныло вытянулось и без того продолговатое лицо Каменного Муму. – Это он в данном случае не про меня, а про тебя.

– С чего ты взял? – удивилась Наташка.

– Если бы у тебя существовала хоть одна извилина, то сама бы поняла, – назидательно изрек Герасим. – Последней упоминалась мной ты. Значит, и заявление этого сациви, – он перевел взгляд на попугая, – относилось к тебе.

В следующий миг Птичка Божья, словно бы в очередной раз доказывая, что Ариадна Оттобальдовна совсем не напрасно превозносит его «высокие интеллектуальные возможности», кокетливо посмотрел на Дятлову и сказал:

– За пр-рекр-расных дам!

Все расхохотались, а попугай, по-прежнему сидя на плече у бабушки Марго, с достоинством раскланялся.

– По-моему, мы отвлеклись, – Герасим мрачно взирал на друзей. – А между прочим, у нас еще много дел с газетой.

– Работайте, работайте! – воскликнула Ариадна Оттобальдовна. – А мы пока с птичкой пойдем вам оладушек к чаю пожарим.

– Пр-равильно, подр-руга, – одобрил попугай.

– Абсолютно правильно, – поддержал его Павел, который, несмотря на толщину, совершенно не собирался худеть, ибо придерживался мнения, что «мужчины должно быть много».

Бабушка Марго и попугай удалились. Герасим облегченно вздохнул:

– В следующий раз газету будем делать не у Марго.

– Ах, значит, Герочка, у тебя? – фыркнула Варя.

– Почему обязательно у меня? – уставился на нее Муму.

– Ну, мне показалось, ты приглашаешь, – с издевкою продолжала Варя.

Герасим замялся. Дома у него всегда был дедушка – физик на пенсии Лев Львович Каменев, которого Команда отчаянных называла Лев-в-квадрате.

– Гера, – вмешался Баск, – я как-то не понял, ты принимаешь нас или нет?

– М-м-м, – растерянно промычал тот, а про себя подумал: «Еще неизвестно, что хуже. Этот сациви Королевых или мой собственный дедушка. Явится и начнет командовать, как правильно делать газету». Тут он наконец нашелся и вслух произнес: – А я что-то не понимаю: мы уже следующую газету собрались делать?

– Да ты что! – в панике воскликнули остальные.

– Тогда о чем разговор, – с достоинством произнес Муму. – А когда соберемся, милости просим.

Варя, кажется, разгадала его тайные мысли и, словно бы невзначай, бросила:

– Не надейся, пожалуйста, что мы забудем.

Из кухни потянуло запахом жареных оладушек. Луна шумно сглотнул слюну и, взъерошив пятерней кудрявую темную шевелюру, взмолился:

– Ребята, давайте скорей закругляться! Иначе я помру с голода.

Остальным тоже ужасно захотелось оладьев, и работа закипела. Двадцать минут спустя газета была окончательно завершена. А создатели ее, оставив досыхать в одиночестве свое детище, гурьбою ринулись на кухню.

Там, на столе, уже высилась внушительная горка оладьев. Луна плюхнулся за стол первым, никого не дожидаясь, наложил себе в тарелку сразу шесть оладушек и стал намазывать верхний сметаной и медом.

– Воспитаннице у наших мальчиков... – не замедлила с комментарием Варя.

– Я не мальчик, а голодный зверь, – Павел ничуть не смутился. – Р-р-р.

И запихнув в рот оладушек, он с набитым ртом воскликнул:

– Ой, Авиадна Отобавовна! Офень вкусно!

– Манер-ры, – высокомерно бросил попугай. – Неандерталец!

Луна от неожиданности поперхнулся и так сильно закашлялся, что Марго, Варваре и Наташке пришлось колотить его по спине.

– Ох, умираю! – Павел вытер слезы с глаз.

– В данном случае этот птеродактиль прав, – указал на попугая Муму. – Когда речь идет о жратве, ты, Луна, и впрямь превращаешься в нечто доисторическое.

– Пр-римат, – сказал попугай, неодобрительно наблюдая за тем, как Луна запихивает в рот новый истекающий медом и сметаной оладушек.

Однако на сей раз Луне удалось без помех дожевать. Лишь затем он ответил:

– Ты, парень, ошибаешься. Приматы оладьев не едят.

Впрочем, и попугай оказался на высоте.

– Пр-рошу пр-рощения, – заявил он.

– Действительно, все понимает! – в который раз восхитилась Дятлова.

– Эх, – Варвара с сожалением поцокала языком. – Если бы наш Герасим был таким умным.

Наташка, жеманно прикрыв рот ладошкой, хихикнула.

– Глупые вы люди, – обозлился Муму. – И общаться с вами скучно.

– Ты, Герка, лучше ешь, – Марго поспешила разрядить обстановку. – Иначе Луна все слопает, и тебе нечего не достанется.

Предупреждение было совершенно не лишним. Едва глянув на блюдо, Каменное Муму в этом убедился. Гора оладьев, главным образом стараниями Павла, таяла на глазах. Впрочем, и остальные принимали самое активное участие в уничтожении лакомства.

– Гады! – взвыл Герасим и начал быстро есть.

– Пр-родался, – вынес вердикт попугай.

Муму даже не расслышал. Его вниманием целиком и полностью завладели оладьи.

– Ешьте, ешьте, пока горячие, – улыбнулась Ариадна Оттобальдовна. – Кстати, Ваня, – обратилась она к Холмскому. – Как там твоя бабушка?

– Нормально, – бросил в ответ Пуаро.

– Что-то никак не могу ее дома застать, – продолжила Ариадна Оттобальдовна. – Вроде бы только из больницы человек вышел. Где она у вас пропадает? К врачам, что ли, по-прежнему ходит?

– Какие врачи? – отмахнулся Иван. – Она все время на лекциях.

– На лекциях? – изумилась бабушка Марго. – Какие еще лекции?

– А по-моему, все понятно, – ухмыльнулась Варя. – Ванина бабушка решила кончить еще один институт.

– Правда? – еще больше удивилась Ариадна Оттобальдовна.

– Да нет, – внес ясность Иван. – Зачем бабушке институт, когда она уже на пенсии. Просто в больнице она подружилась с Виолеттой Феофановной, которая давно на эти лекции ходит. Ну, вот, а теперь они обе поправились и ходят туда вдвоем.

– А что за лекции? – заинтересовалась Ариадна Оттобальдовна.

– Да я точно не знаю, – Пуаро никогда особо не интересовался бабушкиными увлечениями. – Но вроде чего-то там о культуре и здоровье. Ну сами, наверное, знаете, что моей бабушке нравится.

– Странно, – обиженно пожала плечами бабушка Марго. – Гетта даже мне ничего не сказала. Я бы тоже с удовольствием составила им компанию. Обязательно ей вечером позвоню. Она когда сегодня дома будет?

– Точно сказать не могу, – признался Иван. – После школы ее дома не было. Может, сейчас вернулась. Хотя нет, – вспомнил он. – Бабушка мне утром сказала, что у них вечером опять какое-то мероприятие намечается. Но я передам ей. Она позвонит.

– Передай обязательно, – бабушка Марго была явно заинтригована.

Вообще-то, обычно дел было больше как раз у нее, а Генриетта Густавовна постоянно рвалась с ней общаться. Ибо бабушка Ивана, всю жизнь проработавшая редактором в крупном академическом издательстве, после выхода на пенсию испытывала, по ее собственным словам, «драматический дефицит общения». А в лице Ариадны Оттобальдовны «наконец обрела родственную натуру, с которой можно поговорить о высоких материях».

– Очень странно, что Геточка мне так давно не звонила, – на сей раз с недоумением повторила Ариадна Оттобальдовна.

Иван снова пообещал передать Генриетте Густавовне, чтобы она связалась с Королевыми. Из передней послышались три звонка.

– Это за мной, – враз погрузнел Сеня. – Эх, поеду. Спасибо вам за олады. И вообще, за уют и за ласку.

– Ты, уют-ласка, пожалуйста, попроси вашего дядю Васю завтра пораньше тебя к школе подвезти, – напутствовала напоследок Варя. – А то ведь нам еще повесить эту штуку надо.

– Естественно, попрошу, – пообещал Баск.

Все пошли провожать его в переднюю. Там уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу впущенный внутрь Маргаритой шофер-охранник Баскаковых по имени дядя Вася.

– Давай, давай, шевелись, Семен, – поторапливал он. – Я уже отцу сказал, что выезжаем.

– Дядя Вася, мне завтра пораньше в школу надо. – Баск решил сразу его предупредить.

– По дороге разберемся, – шофер уже бесцеремонно выталкивал его на лестницу.

– Пока, братцы, – с тоскою выдохнул Сеня и сел в лифт.

Остальные тоже начали собираться.

– Хорошая газета получилась, – уже надев пальто, сказала Наташка Дятлова. – Можно я еще раз на нее посмотрю, а то ведь завтра уже повесим.

– Пожалуйста, – разрешила Марго и очень выразительно покосилась на Варю.

Наташка, не раздеваясь, пошла в гостиную. Но так как никто не составил ей компании, довольно быстро вернулась:

– По-моему, очень удачно вышло, – посмотрела она на Ивана.

– Жизнь покажет, – неопределенно откликнулся тот.

– До завтра, – хмуро произнесла Марго, которой совершенно не нравилось, что Дятлова уделяет столь пристальное внимание Пуаро. «Слава богу, мы с этой газетой справились, и теперь Наташка от нас отвяжется», – про себя добавила девочка.

Уже когда ребята вызвали лифт, на лестничную площадку выглянула Ариадна Оттобальдовна.

– Ваня, а твоей бабушки так и нет дома. Я только что ваш телефон набирала. Но ты обязательно ей передай, что я жду ее звонка.

– Ну, конечно, передам, – пришлось в третий раз пообещать ему.

Вся компания загрузилась в лифт. Когда кабина остановилась на этаже Холмских, Герасим не преминул в сотый раз предупредить:

– Помни, Пуаро, что завтра нужно явиться в школу пораньше.

– При всем желании не забуду, – усмехнулся Иван. – Встречаемся ровно в восемь внизу, у подъезда.

– У нашего подъезда, – уточнил Каменное Муму. – Он ближе к школе, чем ваш с Марго.

– Герочка экономит силы, – фыркнула Варя.

Жили они с Герасимом в том же доме номер восемнадцать по Ленинградскому проспекту, только во втором подъезде, который и впрямь находился метров на сорок ближе к улице «Правды». Но дело было, конечно, не в подъезде, а в Герасиме.

– Как хочешь, – согласился Иван.

Друзья уехали вниз. Он отпер ключом собственную дверь. Электронный замок сперва зажужжал, и только после этого открылся. Иван все еще никак не мог привыкнуть к нему. Это новейшее достижение замковой техники появилось у них недавно. Его установил отец Ивана, Константин Леонидович, после того, как к ним в квартиру влезли.

Больше всего по сему поводу негодовала Генриетта Густавовна. Возвратившись в обществе новой подруги с первой лекции, она не смогла попасть домой. Пытаясь открыть дверь, повернула что-то не так, и Константин Леонидович был вынужден вызывать специалиста из сервисного центра, которому пришлось заново программировать «электронное чудо».

Иван шагнул в переднюю. Замок с жужжанием защелкнулся. Из комнаты бабушки послышались шаги. Мальчик вздрогнул. «Неужели опять залезли?» – пронеслось у него в голове.

Глава 2

Непоследовательная Генриетта Густавовна

Иван застыл в передней. Свет в квартире нигде не горел, хотя уже сгущались сумерки. «Что делать? Что делать?» – пульсировало в голове у мальчика. Умнее всего, наверное, было бы попытаться выбежать снова на лестничную площадку, а там, глядишь, и до Марго можно успеть добраться. Однако, во-первых, Ивана не слушались ноги, а во-вторых, этот замок быстро не откроешь.

Пуаро охватила полная паника. Вдруг дверь комнаты Генриетты Густавовны распахнулась, и на пороге возникла она собственной персоной.

– Ах, это ты, Иван, – спокойно произнесла бабушка и включила свет.

Едва глянув на нее, внук издал изумленное восклицание. Генриетта Густавовна была... в его наушниках, а на поясе ее халата висел его собственный плеер.

– Ба...ба...ба, – заикаясь, пролепетал внук, а про себя подумал: «По-моему, она тронулась».

Дело в том, что никто в их семействе так не возражал против плеера, как Генриетта Густавовна. По ее мнению, внук, вместо того чтобы «приобщаться к великой классической музыке», целыми днями «слушает в своих наушниках всякую отупляющую дребедень» и «попусту тратит лучшие годы, совершенно интеллектуально не развиваясь».

Иван тщетно пытался ей возразить, что по плееру с наушниками можно, в конце концов, слушать и «великую классическую музыку». Генриетта Густавовна лишь брезгливо отмахивалась: «В этих наушниках у тебя, Ваня, сразу делается абсолютно дебильный вид». В таких случаях Иван окончательно терял самообладание: «Бабушка, но ведь плеер – это всего-навсего техническое средство. А наушники... Мы же, когда в лингафонном кабинете английским занимаемся, тоже их надеваем. Может, и английский учить дебилно?»

Однако Генриетту Густавовну не так-то легко было сбить с толку. И она преспокойно отвечала: «Лингафонный кабинет – это другое, а ваша музыка просто ужасна. И все эти приспособления – тоже. Полная деградация нравов!»

Ивану оставалось лишь разводиться руками. И вот сейчас он просто глазам своим не верил. Бабушка явно что-то слушала по его плееру. И так как недавно пережитый страх еще давал о себе знать, мальчик с неприкрытой издевкой спросил:

– Решила к современной музыке приобщиться?

– С чего ты взял? – У Генриетты Густавовны округлились глаза.

Иван в ответ постучал себе пальцем по уху.

– Ах, это, – смущенно улыбнулась бабушка. – Твой на время одолжила. Надо попросить у твоего папы, чтобы он мне собственный плеер купил.

– Зачем? – Внук уже совсем ничего не понимал.

– Видишь ли, Ваня, – по-прежнему смущенно и одновременно несколько свысока начала Генриетта Густавовна. – Это мне требуется для окончательного восстановления здоровья.

– Плеер? – У внука едва не вылезли из орбит глаза. – Какое же в нем, на фиг, здоровье?

– Ах, Ваня, я ненавижу эти твои грубые выражения! – возмутилась бабушка. – Сколько раз еще тебе повторять: твой долг гордо нести звание потомственного интеллигента!

«Ну, началось», – тяжело вздохнул мальчик, которому совершенно не улыбалось что-либо «гордо нести».

– Надеюсь, ты когда-нибудь это запомнишь, – тем временем продолжала бабушка. – Все наши предки были глубоко образованными и культурными людьми.

– Да чего тут запоминать, – скороговоркою бросил Пуаро. – Во-первых, ежу понятно, а во-вторых, плавали – знаем. Только я напрочь, ба, не врубаюсь, при чем тут мой плеер и твое здоровье? Объясни, пожалуйста, для тупых.

– Нет, милый мой, ты, по-моему, безнадежен, – скорбно покачала головой в наушниках представительница потомственных интеллигентов. – Хотя, – добавила она с философским видом, – видимо, сказываются некоторые гены.

Иван фыркнул. Под «некоторыми генами» явно подразумевались гены его отца, Константина Леонидовича, у которого, по меткому выражению матери Ивана, «складывались хоть и вежливые, но классические отношения с тещей».

– Ба, ближе к делу, – попросил Иван. – Меня сейчас больше не гены, а плеер волнует. Ты правда считаешь, что им можно лечиться?

– Им, – брезгливо ткнула указательным пальцем в висевший на поясе халата плеер Генриетта Густавовна, – разумеется, нельзя, но с его помощью...

– Что, с его помощью? – поинтересовался Иван.

– Ах, тебе не понять, – вдруг хитро сощурилась бабушка. – Ты неподготовлен и непосвящен.

– Во что? – Внук задал новый вопрос и попытался завладеть наушниками.

Однако Генриетта Густавовна с редкостной для человека ее возраста реакцией увернулась от него и решительно отступила в свою комнату.

– Ба, – было последовал за ней внук.

Дверь перед его носом захлопнулась. В замке повернулся ключ.

– Ба, кончай приколы! – заорал Иван.

– Во-первых, изволь выражать свои мысли по-человечески, – раздалось из-за закрытой двери. – А во-вторых, успокойся. Я верну тебе твою вещь через пять минут.

– Нет, она точно съехала с катушек, – пробормотал Иван и поплелся к себе в комнату переодеться. – Это, наверное, у нее запоздалое осложнение после гриппа.

Однако его продолжало глотать любопытство, и ему не терпелось выяснить, что же там слушала бабушка и зачем ей теперь нужен для постоянного пользования плеер.

«Она, конечно, хитрая, но мы хитрее, – натягивая домашние джинсы, размышлял он. – Засеку момент, когда она на что-нибудь отвлечется, зайду к ней в комнату и свистну кассету».

Тут он сообразил, что у него есть хороший предлог. Ведь бабушка Марго очень просила, чтобы Генриетта Густавовна ей дозвонилась. «Вот сейчас и скажу, они разведут ля-ля, – уже строил планы Пуаро. – А я кассеткой займусь».

– Ба! – снова кинулся он к ее комнате.

Дверь оказалась по-прежнему закрыта.

– Имей терпение! – строго ответила Генриетта Густавовна. – Пяти минут еще не прошло.

– Да я про другое, – принялся объяснять внук. – Тебя Ариадна Оттобальдовна обыскала. Говорит, напрочь не может застать тебя дома.

– Адочка такого сказать не могла, – решительно возразила бабушка.

– Нет, она именно это и сказала, – настаивал Пуаро.

– Если только по сути, – продолжала филологический спор Генриетта Густавовна, – но не в подобных варварских выражениях. Она, между прочим, тоже интеллигентный человек.

Иван издал рык, словно зверь в джунглях.

– Короче, ба, она просила тебя срочно позвонить.

– Ладно, – с ледяным спокойствием отозвалась Генриетта Густавовна. – Будет время, позвоню.

Иван удивился еще сильнее. Обычно бабушка была готова болтать с Ариадной Оттобальдовой часами. Поссорились они, что ли? Хотя какое ему дело? Со своими отношениями пус-

кай разбираются сами. У него своих проблем хватало. Главное – засечь момент и все-таки выяснить, чего там бабка слушала.

Ему живо представилось, какое лицо будет у отца, если бабка и впрямь потребует купить себе плеер. Ведь она столько времени пилила и предка, и мать за то, что они подарили ему, Ивану, плеер на Новый год. А теперь...

Иван усмехнулся. Предка точно инфаркт хватит. Надо же, поворотик! Завтра ребятам расскажу. Во посмеемся. А вдруг бабка на старости лет попсой увлеклась? Не свои же любимые оперы Вагнера слушает. Для этого у нас в большой комнате стоит стереосистема. А плеер она наверняка у меня тиснула для конспирации. Чтобы никто не догадался, чем она заинтересовалась.

«В общем, – продолжал размышлять Иван, – бабка явно партизанит. Но с какой целью? Это и непонятно. Ладно, попробую еще раз ее выманить из комнаты».

В третий раз приблизившись ко все еще запертой двери, он крикнул:

– Ба, ты все же позвони Ариадне! Ей чего-то там от тебя очень надо.

– Оттобальдовне, – многозначительно прозвучало из-за двери. – Она, между прочим, тебя в два раза старше.

– Если хочешь, могу даже по фамилии! – Ивану наконец надоели нравоучения.

– Не хами! – рассердилась, в свою очередь, бабушка. – Чем старше ты, милый мой, становишься, тем больше мне начинает казаться, что ты воспитывался не в приличном доме, а в тайге, где одни медведи.

«И чего она ко мне сегодня привязалась? – охватило внука возмущение. – По-моему, лучше уж с медведями воспитываться, чем постоянно выслушивать такое».

– Ба, – постарался как можно спокойнее произнести он. – Я только передал тебе просьбу Ариадны Оттобальдовны, – с нажимом произнес он. Тут у него возникла светлая мысль, и он с подчеркнутым пафосом добавил: – Ты ведь сама мне всегда говоришь, что очень невежливо заставлять людей ждать, когда они тебя о чем-то попросили.

– Ваня, тебе уже было сказано, – с раздражением отозвалась Генриетта Густавовна, – что я позвоню, как только освобожусь. А если тебе так не терпится получить эту свою штуку, пожалуйста.

Замок щелкнул. И, приоткрыв дверь, бабушка просунула в образовавшуюся щелку плеер вместе с наушниками.

– Можешь слушать свою дребедень, если тебе больше нечем заняться, – высокомерно проговорила она.

Пожав плечами, мальчик ушел к себе в комнату и уселся делать уроки. Однако сосредоточиться на домашке никак не мог. Из головы не выходило странное поведение бабушки. То есть препирались-то они почти каждый день с той поры, как минувшим летом родители выменяли их собственную и бабушкину квартиру на эту, четырехкомнатную, и они начали, если так можно выразиться, жить в дружном коллективе. Однако столь странно Генриетта Густавовна еще никогда себя не вела.

Она скорее, наоборот, донимала Ивана и его родителей постоянными рассказами о себе и о том, что делает, чувствует или собирается делать и чувствовать. И вот вдруг на нее напала какая-то зверская скрытность...

«Фу, черт! – Иван поймал себя на том, что уже в третий раз переписал условие одной из той же задачи по алгебре. – Ну какое мне, в общем-то, дело, чего она там скрывает? Уверен: это какая-нибудь полная чушь. Наверное, просто слушает запись пропущенных лекций. Типа, о здоровом и рациональном питании».

Успокоившись, Пуаро наконец сосредоточился на математике, однако успел решить только одну задачу. В коридоре послышались бабушкины шаги. «Вышла, – отметил про себя внук. – Пилит на кухню. Очень удачно. Надеюсь, она там надолго».

Вторая задача была забыта. Иван, выбравшись в одних носках в коридор, прислушался. На кухне шумел электрический чайник. «Плохо, – мальчика охватило разочарование. – Сейчас меня потащит чай пить. Придется отказываться. А она не любит одна. Ей скучно. Лучше бы начала готовить. Потому что это дело долгое».

Щелчок. Чайник выключился. Чашка звякнула о блюде. Затем Генриетта Густавовна налила чай. Однако о внуке так и не вспомнила. Совсем удивительно. «Неужели не позовет?» – продолжал ждать Иван.

Но напрасно: Генриетта Густавовна явно наслаждалась одинокой трапезой. Впрочем, вслед за изумлением внука охватила радость: «Вот сейчас мы и определим, Генриетта Густавовна, ваши музыкальные увлечения».

Иван не понимал, отчего его до такой степени взволновала подобная ерунда. Однако ничего не мог с собой поделать и просто сгорал от любопытства. Подбравшись на цыпочках к бабушкиной комнате, он осторожно повернул ручку двери, и тут его ожидало новое потрясение. Дверь оказалась заперта. Такого ни разу еще не случалось. Генриетта Густавовна иногда запиралась в комнате, когда ссорилась с кем-нибудь из домашних. Однако запереть дверь, а самой уйти на кухню... Это было что-то невероятное.

Не веря себе, Пуаро еще раз повернул ручку. Дверь не поддавалась. Боясь оказаться застигнутым на месте преступления, он спешно возвратился к себе в комнату. «Думай, Ваня, думай, – приказал он себе. – Теперь я точно уверен: там что-то спрятано, и мне непременно следует это увидеть».

Но как попасть в закрытую комнату, если человек унес ключ с собой? Не натягивать же на голову чулок, чтобы напасть на нее. «Ага, – усмехнулся Иван. – Ключ или жизнь». Он ошалело потряс головой и пробормотал:

– Доехали. Еще чуть-чуть, и я окончательно впаду в маразм. Хотя, – он стал вспоминать, – где-то у предков лежит второй ключ. Ну да. Лежит.

У него в памяти отчетливо всплыл скандал, который разразился осенью между Генриеттой Густавовной и родителями. Высказав все, что думает о дочери и зяте, она заперлась. И потом до позднего вечера не подавала признаков жизни. Решив, что ей стало плохо, Константин Леонидович и Инга Сергеевна уже собирались ломать дверь, когда затворница, испугавшись, вышла. Тут отец Ивана и сказал:

– То, что вы потребовали врезать в вашу комнату замок, – ваше право. Хотя, по-моему, мы с вами живем не в коммунальной квартире, и я лично от вас не запираюсь. Ну да ладно. Однако запасной ключ, будьте любезны, отдайте мне. А то, знаете ли, многое в жизни бывает!

– И не надейтесь, Константин, не дождетесь! – с трагическим пафосом воскликнула теща.

– Ключа не дождусь? – переспросил отец Ивана.

– О нет, – величественно ответила бабушка. – Ключ я как раз отдам.

И на глазах Пуаро она крайне театральным жестом вручила отцу дубликат ключа.

Восстановив в памяти сей яркий эпизод из жизни семейства Холмских, Иван принялся размышлять, что мог сделать предок с этим ключом. Ясное дело, он куда-то его убрал. Вернее, засунул. Потому что, если Константин Леонидович что-нибудь куда-то убирал, то чаще всего это потом искалось годами. Причем глава семейства Холмских обвинял в потере всех, кроме себя самого. А так как ключ от комнаты Генриетты Густавовны ему так ни разу и не потребовался, значит...

«А, собственно, это значит лишь одно, – подумал Иван. – Придется мне искать». Бабушка по-прежнему пила чай на кухне, одновременно что-то тихо напевая. Внук пробрался на цыпочках в родительскую комнату. «Так, – поскреб он затылок. – С чего же мне начать? Наверное, лучше всего с отцовского письменного стола. Он туда самый разнообразный хлам кидает, а потом раз в год разбирает. И каждый раз бывает очень удивлен, откуда у него в ящиках «взялась вся эта дрянь?»»

Мальчик потянул на себя верхний ящик. Нет, его положительно сегодня преследовали замки. Ящик был заперт.

– Они чего, все обалдели? – пробормотал он. – Скоро весь дом позапирают.

Правда, на сей раз ключ обнаружился сразу. В стаканчике с ручками. Иван открыл стол.

– Ты чего там шарить? – неожиданно раздался за его спиной голос Генриетты Густавовны.

Вздрогнув от неожиданности, внук ляпнул первое, что пришло на ум:

– Дискету ищу. Мне по информатике надо.

– Папа запрещает без него лазить, – строго поджала губы Генриетта Густавовна.

– Он знает, что я у него дискеты беру. – Пуаро не терял надежды усыпить бабушкину бдительность.

Но та словно почувствовала подвох:

– Не знаю, не знаю. Мне, конечно, все равно, мое дело маленькое. Но ты все же дожись отца. Вернется с работы, тогда и разбирайтесь.

– Вот получу завтра двойку по информатике, – угрожающе изрек Иван.

– А ты постарайся и не получишь, – бабушка оставалась непреклонной. – Твой отец меня вчера вечером специально предупредил, что к компьютеру никто даже приближаться не должен. У него, видите ли, там какая-то важная работа.

– Это он тебе велел не приближаться, – заспорил Иван. – Ты, ба, в компьютерах не сечешь. Помнишь, как ты однажды помыть его пыталась?

– Я хотела как лучше, – с оскорбленным видом откликнулась бабушка. – Не все же в грязи жить.

– Вот поэтому предок и не хотел, чтобы ты опять приближалась, – сказал Иван. – А меня запрет не касается. Я в компьютерах пру и ничего не испорчу.

– Придет отец, – крайне неприятным тоном проговорила Генриетта Густавовна, – тогда и выясните свои... компьютерные отношения. А до этого – марш из их комнаты.

Иван вздохнул и уже на выходе из комнаты осведомился:

– А ты позвонила бабушке Марго? Между прочим, она очень ждет.

– Ваня, – менторским тоном отозвалась бабушка. – Тебе не кажется, что ты переходишь границы дозволенного?

– Не кажется, – очень тихо, чтобы Генриетта Густавовна не расслышала, пробубнил себе под нос Иван.

Генриетта Густавовна, действительно не расслышав, продолжила нравоучение:

– Я, милый мой, уже вполне взрослый человек, чтобы самой решать, когда мне надо позвонить и кому.

«Вот так всегда, – отметил про себя внук. – Ко мне постоянно цепляется, а ей ничего не скажи. И она еще называет себя поборницей демократии».

Однако, решив, что спорить себе дороже, Иван молча удалился к себе. Впрочем, бабушка не настаивала на продолжении разговора.

Открыв дверь своей комнаты, она вошла туда и мигом вновь заперлась.

– Во, жизнь-кочерга, как говорит мой друг Луна, – тихо произнес Иван и вновь направился на цыпочках в спальню родителей. Поведение Генриетты Густавовны занимало его все сильнее и сильнее.

Интуиция не подвела. После осторожных, но тщательных поисков Иван действительно обнаружил в третьем, самом нижнем, ящике стола Константина Леонидовича второй ключ от двери.

– Попалась птичка, – хищным шепотом приветствовал находку мальчик. – Теперь только надо тебя немного отвлечь, и я мигом выясню, с какой попой ты там запираешься.

Спрятав ключ в карман, Пуаро осторожно задвинул ящик и уже поднялся с корточек, собираясь покинуть родительскую спальню, когда бабушкина дверь снова скрипнула.

– Ва-аня! – позвала Генриетта Густавовна.

Оказавшись в ловушке, он недолго думая рыбкой нырнул под родительскую кровать и, больно там обо что-то стукнувшись, затаился.

– Ваня, почему ты не отвечаешь?

По голосу внук определил, что бабушка заглянула к нему в комнату. Теперь оставалось ждать, когда она, проверив родительскую спальню, переместит поисковую экспедицию в район ванной, туалета и кухни. Тогда можно спокойно вернуться к себе, и пускай бабушка думает что угодно. Он же, Иван, будет стоять на том, что спокойно сидел у себя и делал уроки. Просто она не заметила.

– Ва-аня! – Бабушка уже стояла в дверном проеме спальни.

По закону подлости именно в этот момент ему жутко захотелось чихнуть. Он с силой зажал пальцами нос и возмущенно подумал: «Вот ее хваленая уборка. Чистота. Порядок. А под кроватями все равно пыльно».

– Ва-аня, ты где? – В голосе бабушки все отчетливей слышалось раздражение.

«Там, где тебя нет, – вел воображаемый диалог с преследовательницей Пуаро. – Иди, ищи скорее на кухню. Чего зря вопить».

– Странно, – охватило явное замешательство Генриетту Густавовну. – Куда он мог деться? Неужели гулять пошел? Ваня! Ваня! Ау! Надо же, совсем от рук отбился. Удрать на ночь глядя и даже не предупредить.

И она покинула комнату.

– Дурдом, – произнес Пуаро, выползая из-под кровати.

Дождавшись, когда бабушка завернула за угол длинного коридора, мальчик вихрем переместился к себе. Борьба с Генриеттой Густавовной порядком его утомила, и вновь приниматься за домашку уже совсем не хотелось. Правда, усилия его не прошли даром. Ключ лежал в кармане.

– Ва-аня! Ва-аня! – Генриетта Густавовна тем временем продолжала поиски в районе кухни и чулана.

Мальчику стало смешно. Кажется, бабушка вообразила, что он впал в детство и играет с ней в прятки. «А кстати, – вдруг осенило его, – совсем неплохая идея. Вот если бы я не нашел сейчас ключ, можно было бы действительно спрятаться. Бабка подумала бы, что я ушел, и расслабилась. Кому охота в пустой квартире запираť дверь своей комнаты. Ну а потом она села бы на кухне, а я – к ней, и цап-царап кассету. А с кассетой – на лестницу. Ну а дальше можно изобразить, будто я уходил и вернулся. А если от нее действительно сейчас в шкаф спрятаться? Конечно, не для дела, а просто так, чтобы потом посмеяться».

Он собирался исполнить задуманное, когда раздались три звонка. Это пришли с работы родители.

Усевшись за письменный стол, Иван превратился в слух. Бабушка прошла из кухни к двери. Едва впустив дочь и зятя в квартиру, она начала жаловаться:

– Это просто какое-то форменное безобразие! Ваня совсем отбился от рук! Удрал на ночь глядя, ничего мне не сказав.

– Как это удрал? – с тревогою переспросила Инга Сергеевна.

– А как, по-твоему, удирают? – мелодраматически произнесла Генриетта Густавовна. – Просто собрался, и поминай как звали. А мне даже словом не обмолвился, что уходит. Я для него теперь – пустое место. Это все вы, Константин, виноваты.

– Я? – с ходу завелся отец Ивана. – При чем тут я?

– При том, что не научили его уважать старших, – усилила пафос Генриетта Густавовна. – Вот и пожинайте теперь плоды своего воспитания.

– Мама! – строго прикрикнула на нее Инга Сергеевна.

– Генриетта Густавовна, – с подчеркнутой вежливостью произнес Константин Леонидович. – Вероятно, мы с Ингой воспитываем Ивана не идеально. Однако в данном случае мы, видите ли, были весь день на работе и только что явились домой. И вот, позвольте узнать, вы-то куда смотрели, когда наш сын, а ваш внук собрался на ночь глядя уходить?

Пуаро понял: страсти накалились и, во избежание крупного семейного конфликта, пора выходить из засады.

Состроив удивленную и одновременно совершенно невинную физиономию, он резким движением распахнул дверь своей комнаты и осведомился:

– Что за шум, а драки нет?

Ярко-рыжая шевелюра на голове Константина Леонидовича мигом встала дыбом. Генриетта Густавовна зачем-то сняла очки, а затем, снова надев их, уставилась на Ивана. И лишь Инга Сергеевна нашла в себе силы произнести:

– Так он, оказывается, вообще дома? Мама, зачем ты сказала, что он ушел?

– Но его действительно только что не было дома, – начала оправдываться Генриетта Густавовна.

– Галлюцинации, – тихо, но выразительно произнес Константин Леонидович.

– Что вы сказали? – не расслышала теща.

– Да так, ничего. Мысли вслух, – уклончиво отозвался Константин Леонидович.

Холмский-младший не удержался и фыркнул.

– Ладно, раз все в порядке, пойдем, Костя, переодеваться, а потом ужинать, – поспешила замять конфликт Инга Сергеевна.

Родители удалились к себе. А Генриетта Густавовна тут же пристала к внуку:

– Где ты был?

– Дома, – его распирало от смеха.

– Я везде смотрела, но нигде тебя не обнаружила, – бабушка хотела во что бы то ни стало докопаться до истины.

– Да меня и искать было нечего, – с трудом удалось почти совсем естественным голосом ответить Ивану. – Я просто сидел и делал уроки.

– Неправда! – возмутилась Генриетта Густавовна. – Я к тебе заходила.

– Разве? – разыграл недоумение Иван. – Я тебя не видел. Наверное, ба, ты ошиблась и зашла в другую комнату.

– Мама, да прекрати ты, – к счастью для Пуаро, подошла к ним Инга Сергеевна. – Пойдем лучше на кухню. А то Костя ужасно голодный.

И они ушли разогреть и накрывать на стол.

Когда наконец все собрались на ужин и Константин Леонидович придвинул к себе дымящуюся тарелку супа, Иван решил его обрадовать:

– Па, знаешь, у бабушки появилась к тебе большая просьба.

– Какая? – отец проглотил первую ложку и набрал вторую.

– Ей нужен собственный плеер. Купи, пожалуйста. А то она сегодня мой брала.

Константин Леонидович вздрогнул. Ложка выпала у него из рук и тяжело плюхнулась в тарелку с супом. В воздух взметнулся бульонный фонтан. От неловкости Константина Леонидовича досталось всем, а особенно Генриетте Густавовне.

– Какой вы все-таки несобранный, Константин!

И она начала с брезгливым видом промокать бумажной салфеткой жирные капли на шелковой блузке.

– Ну, знаете ли! – возмутился Холмский-старший. – Это не я несобранный, а вы теща с сюрпризом!

– Если моя просьба для вас так обременительна, – с оскорбленным видом сказала Генриетта Густавовна, – то считайте, я вас вообще ни о чем не просила.

– Только, пожалуйста, не приписывайте мне своих мыслей! – Шевелюра на голове Константина Леонидовича вздыбилась пуше прежнего, как происходило всегда, когда он волновался или бывал чем-нибудь раздражен. – Мне совсем нетрудно купить вам плеер. Меня просто изумляет ваша непоследовательность. Если не ошибаюсь, именно вы чуть ли не надвое нас с Ингой перепилили, когда мы осмелились подарить плеер Ване...

– Ну-у, Константин, не преувеличивайте, – совершенно не смутилась теща. – Ване вы плеер дарили, чтобы он слушал эту свою дурацкую, с позволения сказать, музыку. А мне нужно для дела.

– Для какого дела? – забыл о супе Холмский-старший.

– Константин, – поджала губы Генриетта Густавовна, – мне обязательно вам представлять отчет? Но если вас так уж теперь интересует моя скромная персона, отвечу: плеер мне требуется для здоровья.

– М-м-м, – с ошарашенным видом протянул Константин Леонидович и обменялся взглядом с женой.

Инга Сергеевна едва заметно кивнула ему, словно бы говоря: полностью разделяю твое мнение, но оставь ее в покое. Впрочем, и самому Константину Леонидовичу хотелось просто спокойно поужинать.

– Генриетта Густавовна, никаких проблем! – бодро воскликнул он. – Завтра же куплю вам плеер. Оздоровляйтесь.

– Большое спасибо, Константин, – с подчеркнутым достоинством поблагодарила его она.

Иван, постаравшись побыстрее справиться с ужином, бросил: «У меня там еще уроки», – и покинул кухню.

Путь его, однако, лежал совсем не к себе, а к заветной бабушкиной двери, которая по-прежнему оставалась запертой. Чутко прислушиваясь к голосам на кухне, он бесшумно про-вернул ключ в замке и шагнул в комнату.

Глава 3

Под шум морского прибоя

Кассету он обнаружил сразу. Она лежала на столе между томиком обожаемых Генриеттой Густавовной «Сонетов» Петрарки, «Братьями Карамазовыми» Достоевского, которых она постоянно перечитывала, и рассказами Чехова. Пуаро сразу понял: столь почетное место кассета занимала явно неспроста. А потому заинтересовался сильнее прежнего.

Он задумчиво повертел находку в руках. Затем, убедившись, что старшее поколение пока продолжает сидеть в кухне, сбегал к себе в комнату за плеером и, вставив в него кассету, включил.

Наушники наполнились шумом морского прибоя. Ивану даже показалось, что где-то вдалеке кричат чайки. «Ясное дело, – отметил он про себя. – Бабка к природе приобщается». Шум прибоя нарастал. Затем на его фоне послышалось мерное тиканье, то ли будильника, то ли метронома. Дальше Пуаро слушать не стал. Ужин на кухне подходил к концу, и торчать в бабушкиной комнате становилось опасно.

То есть, конечно, можно было и рискнуть. Однако, застукав Ивана на «месте преступления», Генриетта Густавовна наверняка поднимет скандал. Это бы еще можно пережить. Хуже другое: бабушка наверняка запрячет кассету подальше, и тогда к ней даже близко не подберешься. А так остается надежда выждать удобный момент и дослушать до конца. Вернув странную запись в общество писателей-классиков, Пуаро вместе с плеером удалился к себе и стал напряженно думать. Вообще-то, бабушка часто говорит, что «обожает море». Однако требовать плеер специально, чтобы слушать прибой... Мальчику это показалось диким. «И при чем тут здоровье? – продолжал размышлять он. – Ведь бабка и мне, и отцу настойчиво доказывает, что собственный плеер нужен ей именно для этого. А если и впрямь так? Где-то я вроде слышал или читал, что звуками природы лечат от нервов».

Иван усмехнулся. Кажется, после сегодняшнего прослушивания она не очень-то успокоилась. Скорее, наоборот. Может, правда, слишком мало слушала? Или, к примеру, ей неправильные звуки прописали? Мальчика вновь охватили сомнения. Если бабушка просто лечится, то к чему такая таинственность? Лечиться она и раньше любила и, наоборот, стремилась всем и каждому рассказать, какие лекарства и сколько раз в день принимает. А теперь вот заперлась явно из-за этой кассеты. И даже предкам о ней ничего не сказала. Наверное, в этой записи самое главное начинается после тиканья. А вся лабуда с морским прибоем – просто отвлекающий маневр, если кто-нибудь посторонний случайно начнет слушать. «Вот, например, я поставил и ни во что не врубился. Но я-то уже до этого по поведению бабушки заподозрил какие-то странности, – Иван продолжал внутренний монолог. – А если бы мне случайно такая запись попала? Да я бы просто ее выключил и никогда бы больше не стал слушать».

Он обхватил голову руками. Раз запись сделана с такими предосторожностями, ясное дело, за ней и впрямь кроется тайна. То-то бабушка такая взвинченная. И Иван понял, что обязательно должен сегодня же прослушать кассету с начала и до конца.

Родители уже переместились в комнату, откуда доносился звук телевизора. А Генриетта Густавовна ушла к себе и вновь плотно затворила дверь. «Какая-то у нее своя жизнь наметилась, – немедленно сделал вывод Иван. – Как бы мне снова ее из комнаты выманить?»

Однако в голову ничего не приходило. Он уже было смирился с мыслью, что до завтрашнего дня ничего не выйдет, когда вдруг сообразил: «Марго. Сейчас я позвоню ей, все расскажу, и тогда мы попробуем подключить ее бабушку. Может, Ариадне Оттобальдовне удастся что-то выяснить. Тем более моя бабка вечно с ней консультируется по проблемам здоровья».

Потянувшись к трубке, он набрал номер Марго. Та взяла трубку.

– Ах, это ты! – обрадовалась она Ивану.

– Слушай, тут такое дело, – он сразу взял быка за рога. – Бабка моя слушает какие-то секретные кассеты.

– Какие еще кассеты и почему секретные? – До девочки, естественно, не дошло.

Иван поделился собственными наблюдениями, затем смущенно добавил:

– Может, Марго, я, конечно, преувеличиваю, но кажется...

– Ничего ты не преувеличиваешь, – Марго отнеслась к его сообщению вполне серьезно. – Мне тоже ее поведение кажется странным. А главное – она моей бабушке так и не позвонила.

– Марго, а они точно не ссорились? – решил на всякий случай выяснить Иван.

– Да ты что! – воскликнула Марго. – Я бы знала. И бабушка в этом случае так бы не удивлялась.

– Тогда у меня есть план, – сказал Пуаро. – Попробуй прямо сейчас заставить Ариадну Оттобальдовну позвонить моей бабке. Скажи, что она точно дома, но, по моим наблюдениям, ведет себя как-то странно. Ну, и изложишь, в чем странности.

– Все изложить? – поинтересовалась Марго.

– А почему нет? Хотя, – спохватился он, – про кассету лучше умолчим. А то твоя еще проговорится моей и возникнет большой скандал.

– И кассету мы с тобой только тогда и видели, – девочка словно прочла мысли Ивана. – Значит, я говорю про все, кроме кассеты.

– Вот именно, – подтвердил ее собеседник. – Кроме кассеты, говори про все, что угодно. А главное – так, чтобы твоя бабушка заинтересовалась и сразу же начала звонить моей.

– Постараюсь, – тихо произнесла Марго. – А уж насколько это получится, ты скоро сам поймешь.

– Тогда давай скорее, а то поздно будет, – поторопил Иван. – Уже ведь начало одиннадцатого.

– Есть, господин начальник! – И Марго, усмехнувшись, повесила трубку.

Ожидая результатов, Пуаро решил сделать хоть что-нибудь из уроков. Однако не успел он дорешить многострадальную алгебру, как телефон ожил. Трубку мальчик предусмотрительно поднимать не стал. Ее с воплем: «Ну, никакого покоя!» – взял Константин Леонидович.

– Алло? – Пауза. – Ах, да-да-да! Здравствуйте, дорогая Ариадна Оттобальдовна! Нет, нет! Что вы! Совсем не поздно! Наоборот, я очень рад вас слышать! Как вы поживаете?.. Ну, замечательно!.. Да, Генриетта Густавовна у себя. Сейчас я ее позову.

«Прекрасно, прекрасно, – потер руки Иван. – Рыбка попала в сеть!»

– Генриетта Густавовна! – прокричал отец. – Вас к телефону!

Ответа не последовало. До Ивана донеслось ворчливое бормотание предка:

– Совсем глухая стала. Ничего не слышит. Плеер ей, видите ли, подавай. Она с ним вообще последний слух потеряет.

Приблизившись к двери любимой тещи, он громко постучал.

– Кто там? Я уже сплю, – недовольно проговорила Генриетта Густавовна.

– Вас... Ариадна Оттобальдовна, – нарочито четко ответил Константин Леонидович. – Подойдете или передать, чтобы завтра перезвонила?

– Ладно уж, Константин, – высокомерно откликнулась бабушка Ивана. – Подойду. Иначе вам ведь велишь передать, а вы, как всегда, что-нибудь напутаете.

– Генриетта Густавовна, – рассердился зять. – Попрошу вас запомнить: я никогда ничего не путаю.

– Ах, мне виднее, – барственно выдохнула теща и направилась к телефону.

Иван продолжал, затаившись, внимать происходящему. Сперва до него донесся шепот отца, возвращающегося в гостиную: «Просто сумасшедший дом какой-то». Затем наконец бабушка взяла трубку аппарата в коридоре.

– Адочка, здравствуйте. Нет, еще не спала, но собираюсь. А у вас что-нибудь срочное?.. Ах, просто соскучилась. Я тоже, милая. Мне Ваня передавал, но знаете, все дела, дела...

«Во, врет! – возмутился Иван. – Ну какие у нее там дела? Сперва плеер слушала. Потом чай пошла пить. Потом меня искала по всей квартире. Потом предкам на меня капала и вместе с нами ужинала. Вот и вся ее занятость».

– Ну просто ни минуты свободной, – нарочито усталым голосом продолжала вещать Генриетта Густавовна. – Но завтра утром своих отправлю, и мы с вами, Адочка, обязательно как следует поговорим. Вы будете утром дома?.. Вот и прекрасно. Ну, доброй ночи.

Бабушка положила трубку и, вернувшись в комнату, опять заперлась на замок. Иван был разочарован. Все их с Марго старания пропали абсолютно напрасно. Правда, может, завтра бабушка что-нибудь и расскажет Ариадне Оттобальдовне, однако это произойдет не в его, Ивана, присутствии, и в лучшем случае Маргарите удастся вытянуть что-нибудь из своей бабушки. А та, вполне вероятно, упустит какие-нибудь важные подробности или решит по каким-то своим соображениям умолчать.

«Господи, – вдруг спохватился Иван, – а что я, собственно, так волнуюсь? Скорее всего, это вообще окажется полной ерундой. Мало ли из-за чего такие, как моя бабка, разводят тайны?» Однако, как Пуаро ни успокаивал себя, на душе было тревожно, и он никак не мог отделаться от ощущения, что за странным сегодняшним поведением бабушки кроется что-то серьезное, а быть может, даже и опасное.

Мальчик и сам не мог объяснить причину столь сильного беспокойства. Собственно, бабушка, на его взгляд, и раньше часто вела себя достаточно странно. Однако, раскрывая вместе с друзьями множество преступлений, Иван привык доверять собственной интуиции. А она подсказывала...

Мысли его прервал телефонный звонок. Иван схватил трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.